

УДК 1(091)

«ФИЛОСОФЫ ВСЕГДА
БУДУТ ВОСХИЩАТЬСЯ КАНТОМ...»

Н. А. Дмитриева^{1,2}

Тематика номера, посвященного 300-летней годовщине со дня рождения Иммануила Канта, фокусируется на его практической философии, в особенности на проблемах свободы воли в свете дискуссии конца XVIII в., понятии человеческого достоинства и его отражении в повседневности и в основных правовых документах Российской Федерации, возможности вывести позитивные обязанности из категорического императива, а также релевантности кантовской этики в современных реалиях. Вопрос о специфике рецепции философии Канта в России на примере статьи русского религиозного философа Алексея Введенского, посвященной памяти Канта, помещен в исторический контекст возникновения рецепции и ее последующей судьбы в XX в.

Ключевые слова: 300-летие Канта, практическая философия, свобода воли, человеческое достоинство, моральный закон, философская рецепция, русская кантиана

В реалиях первой четверти XXI в. Иммануил Кант, пожалуй, единственный философ, признанный во всем мире той интеллектуальной инстанцией, которая способна дать ориентир в основополагающих вопросах человеческой жизни. Наверное, поэтому празднование его 300-летия приобрело поистине глобальный

¹ Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия, 236041, Калининград, ул. А. Невского, д. 14.

² Московский педагогический государственный университет (МПГУ), Россия, 119991, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1. Поступила в редакцию: 23.04.2024 г.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-1

“PHILOSOPHERS WILL ALWAYS
ADMIRE KANT...”

N. A. Dmitrieva^{1,2}

The topics of this issue, devoted to the tercentenary of Immanuel Kant's birth, focus on his practical philosophy, most notably on the problems of free will in the light of the debates at the end of the eighteenth century; on the concept of human dignity and its reflection in daily life and in the main legal documents of the Russian Federation; on the possibility of deriving positive duties from the categorical imperative; and on the relevance of Kantian ethics to modern-day realities. The issue of the reception of Kant's philosophy in Russia is also discussed, using as an example the article by Russian religious philosopher Alexey Vvedensky in the historical context of Kant's early reception and subsequent fate in the twentieth century.

Keywords: Kant tercentenary, practical philosophy, free will, human dignity, moral law, philosophical reception, Russian Kantiana

In the realities of the twenty-first century, Immanuel Kant is arguably the only philosopher recognised all over the world as an intellectual authority capable of setting benchmarks on the fundamental issues of human life. This may be why the tercentenary celebration has attained a truly global scale, describing which would be a challenge for future generations of historians of philosophy. In Russia, the event

¹ Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU). 14 Aleksandra Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia.

² Moscow Pedagogical State University (MPGU). 1/1 Malaya Pirogovskaya st., Moscow, 119991, Russia. Received: 23.04.2024.
doi: 10.5922/0207-6918-2024-1-1

масштаб, описать который станет непростой задачей для историка философии будущих поколений. В России это событие отмечено прежде всего Международным кантовским конгрессом «Мировое понятие философии», прошедшим с 22 по 25 апреля 2024 г. в Балтийском федеральном университете им. И. Канта в Калининграде. В нем приняли участие более 300 ученых, выступивших с докладами о философии Канта, и более 200 слушателей из России, Азербайджана, Беларуси, Германии, Дании, Ирана, Ирландии, Испании, Италии, Камеруна, Китая, Сербии, США, Узбекистана и ЮАР.

Выражение «мировое понятие философии», давшее название конгрессу, Кант приводит в конце первой «Критики», в главе «Архитектоника чистого разума». Это понятие, согласно Канту, относится ко всей философии и подразумевает систематическое единство всех ее дисциплин (A 839–840 / B 867–868; Кант, 2006, с. 1051). Вместе с тем мировое понятие философии «касается того, что необходимо интересует каждого» (A 839 Anm. / B 867 Anm.; Кант, 2006, с. 1051, примеч.), – в нем объединяются основные принципы справедливой и осмысленной, *хорошей* жизни. Эти принципы определяются, согласно Канту, конечной целью, под которой он понимает «все предназначение человека», исследуемое моральной философией (A 840 / B 868; Кант, 2006, с. 1051).

Среди всех философских дисциплин Кант отдает предпочтение этике, потому что в фокусе ее находится практический разум – уникальная человеческая способность, которой присуща специфическая каузальность, когда цепочка причин и следствий человеческих поступков возникает спонтанно в разуме и подчиняется не условиям чувственности, а собственному закону разума (A 539, 555 / B 567, 583; Кант, 2006, с. 703–705, 723). Именно практический разум и его моральный закон обосновывают предназначение человека. И именно в практическом разуме и его моральном законе

was marked first and foremost by the International Kantian congress, “The World Concept of Philosophy”. The Congress took place on 22–25 April 2024 at the Kant Baltic Federal University in Kaliningrad. Taking part were more than 300 scholars who delivered reports on Kant’s philosophy, and more than 200 attendees from Russia, Azerbaijan, Belarus, Germany, Denmark, Iran, Ireland, Spain, Italy, Cameroon, China, Serbia, the USA, Uzbekistan, and the Republic of South Africa.

The expression “the world concept of philosophy”, which gave name to the congress, was used by Kant at the end of the first *Critique*, in the chapter, “The Architectonic of Pure Reason”. According to Kant, the concept refers to the whole of philosophy and stresses the systemic unity of all its disciplines (A 839-840 / B 867-868; Kant, 1998, p. 694-695). At the same time, the world concept of philosophy “concerns that which necessarily interests everyone” (A 839n / B 867n; Kant, 1998, p. 695n), combining as it does the principles of a just and meaningful, or *good*, life. These principles, according to Kant, are determined by the ultimate goal, by which he understands “the entire vocation of human beings” which is the subject of moral philosophy (A 840 / B 868; Kant, 1998, p. 695).

Among all the philosophical disciplines, Kant singles out ethics because it focuses on practical reason, the unique human capacity marked by a special kind of causality wherein the chain of causes and effects of human acts is formed spontaneously in the mind, following not its sensibilities, but its inherent law of reason (A 539, 555 / B 567, 583; Kant, 1998, p. 536, 544). It is practical reason and its moral law that form the mission of humankind. It is in practical reason and its moral law that Kant found the foundations of human freedom, thus assuring the perennial relevance of his philosophy.

Кант нашел основание человеческой свободы, чем обеспечил своей философии непреходящую актуальность.

Учение Канта о свободе воли сразу вызвало большой резонанс среди его современников. Развернувшаяся в середине 1780-х гг. дискуссия лишь недавно была документирована в двух дополняющих друг друга сборниках (*Kants Freiheitsbegriff...*, 2021; *Kant's Early Critics...*, 2022). Один из ее эпизодов, связанный с предложенной И. А. Х. Ульрихом и К. Хр. Э. Шмидом теорией «интеллектуального фатализма», анализируется в статье Манфреда Баума, представленной в настоящем номере.

Кант стал первым в истории, кто обосновал и одновременно ограничил свободу человеческой воли пониманием того, что поступки моральны только тогда, когда совершаются согласно требованию *не обращаться с другими людьми только как со средством, но всегда и как с целью самой по себе*. Способность каждого человека подчинять свои поступки этому требованию является для Канта ярким показателем того, что человек обладает неотъемлемой и ни с чем не сравнимой внутренней ценностью — достоинством. Признание достоинства человека высшей ценностью в конституциях многих стран, а также международными общественными организациями (хотя бы на уровне деклараций), несомненно, восходит к Канту. Не стали исключением и конституции СССР и Российской Федерации. О том, какие трансформации испытывает понятие человеческого достоинства в обыденном языке, в идеологических доктринах и в юридических документах постсоветской России и какое звучание приобретает это кантовское понятие в современной ситуации, размышляет в своей статье Алексей Круглов.

При всем значении кантовской эпистемологии для понимания возможностей человеческого познания и при всем ее влиянии на развитие философии Новейшего времени практическая философия Канта играла и продолжает играть ведущую роль в понимании чело-

Kant's teachings on free will resonated immediately with his contemporaries. The discussion that unfolded in the mid-1780s was only recently documented in two mutually complementary collections (Imhof and Noller, 2021; Noller and Walsh, 2022). One of its episodes, involving the theory of “intelligible fatalism” proposed by J. A. H. Ulrich and C. Ch. E. Schmid, is the subject of an article by Manfred Baum analysed in this issue.

Kant was the first in history to assert and simultaneously limit the freedom of the human will by stating that human acts are moral only when they conform with the requirement *not to treat other people as mere means, but always as ends in themselves*. The ability of each person to subordinate one's acts to this requirement is, for Kant, potent proof that man has an inalienable and unique inherent value: namely, dignity. The recognition of human dignity as the supreme value in the constitutions of many countries, as well as by international non-governmental organizations, if only at the level of declarations, undoubtedly goes back to Kant. The constitutions of the USSR and of the Russian Federation are no exception. Alexey Krouglov, in his article, reflects on the transformations the concept of human dignity is undergoing in day-to-day language, in ideological doctrines, and in legal documents in post-Soviet Russia, and on the message Kant's conception carries in the current climate.

For all the importance of Kantian epistemology for understanding the potential of human cognition, and for all its influence on the development of philosophy today, Kant's practical philosophy has played and is playing the key role in our understanding of humankind and social processes, as Vadim Chaly clearly shows in his article. Kant admitted in one of his re-

века и социальных процессов, что ярко показывает в своей статье Вадим Чалый. Кёнигсбергский философ в одной из своих заметок 1764—1765 гг., сделанных в книге «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного», признавался:

Сам я по склонности исследователь. Я испытываю всю жажду знания и неутомимое желание продвинуться в нем, а также удовлетворение от каждого достижения. Было время, когда я верил, что только это может сделать честь человечеству, и презирал сброд, который ничего не знает. *Russo* меня исправил. Это ослепляющее превосходство исчезает, я учусь уважать людей, и я бы считал себя бесполезнее простого рабочего, если бы не верил, что эта рефлексия (*Betrachtung*) может придать ценность всем остальным, чтобы установить права человечества (AA 20, S. 44; Кант, 1994, с. 372—373; перевод уточнен. — Н. Д.).

Эту рефлексию Кант в дальнейшем развил в учение о практическом разуме и обосновал достоинство человека из способности разума так определять волю человека, чтобы последний даже в ущерб своим частным желаниям и предпочтениям следовал моральному закону, то есть в своих поступках исходил из рационально установленных стандартов, значимых для всех людей без исключения в схожих ситуациях. Современные кантоведы ведут дискуссию о том, можно ли из кантовской этики вывести позитивные конкретные обязанности и, соответственно, новые моральные правила. Этим вопросам посвящены статьи Оливера Зензена и Самуэля Кана.

В российской культуре, равно отзывчивой к научным свершениям и нравственным исканиям, имя и философия Канта начиная с конца XVIII столетия получили беспрецедентный резонанс и стали неотъемлемой частью ее интеллектуальной традиции. Первое упоминание Канта на русском языке принадлежит Николаю Михайловичу Карамзину (1766—1826). В

marks which he made 1764-1765 on the pages of the *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*:

I myself am a researcher by inclination. I feel the entire thirst for cognition and the eager restlessness to proceed further in it, as well as the satisfaction at every acquisition. There was a time when I believed this alone could constitute the honor of humankind, and I despised the rabble who knows nothing. *Rousseau* has set me right. This blinding prejudice vanishes, I learn to honor human beings, and I would feel by far less useful than the common laborer if I did not believe that this consideration could impart a value to all others in order to establish the rights of humanity (*BBGSE*, AA 20, p. 44; Kant, 2011 p. 96).

Kant later developed these reflections into his doctrine of practical reason, deriving human dignity from reason's capacity to determine human being's will in a way that would commit us to the moral law even at the expense of our personal wishes and preferences; that is, commit us to proceeding from rationally established standards that are important for all people in similar situations. Modern Kant scholars are debating whether positive concrete duties, and consequently, moral rules can be deduced from the Kantian ethics. Oliver Sensen and Samuel Kahn have devoted their articles to these problems.

In Russian culture, which is responsive to scientific achievements and moral quests alike, Kant's name and philosophy, beginning from the late eighteenth century, have had extraordinary resonance and become an inseparable part of its intellectual tradition. The first to mention Kant in Russian was Nikolay Karamzin (1766—1826). In his best-selling book, *Letters of a Russian Traveler* (1791—1792),³ Karamzin recom-

³ *Letters* went through seven editions in Karamzin's lifetime.

своем бестселлере «Письма русского путешественника» (1791–1792)³ Карамзин рекомендовал русскому⁴ читателю «славного Канта» как глубокого и тонкого мыслителя и коротко изложил его основные этические идеи (Карамзин, 1984, с. 20–21; см.: Круглов, 2024, с. 144–152; Dmitrieva, 2022, S. 255, 260, Anm. 6). О том, насколько Карамзин был впечатлен Кантом, свидетельствует его письмо Вильгельму фон Вольцогену от 17 апреля 1804 г. из Москвы после получения известия о смерти Канта (12 февраля 1804 г.) и Иоганна Готфрида Гердера (18 декабря 1803 г.): «Я искренне сожалел о смерти великих людей, которых только что потеряла Германия. Философы всегда будут восхищаться глубиной идей Канта, а друзья литературы всегда будут с удовольствием читать произведения Гердера. Я счастлив, что видел их обоих, и буду хранить их образ в глубинах моей души» (Literarischer Nachlass..., 1849, S. 422).

Первенство Карамзина в представлении Канта русской публике может оспорить, пожалуй, только Александр Николаевич Радищев (1749–1802), который изложил мысли Канта в своем «Путешествии из Петербурга в Москву» (1790), не называя, однако, их автора: он, по собственному выражению, «подтибрил» (Радищев, 1992, с. 29) у Канта размышления о публичном использовании разума и состоянии несовершеннолетия – в переводе Радищева «незрелости разума», – вложив кантовский проект просвещения в уста некоего человека, собиравшегося в Петербург с прошением о бесцензурном книгопечатании в городе Торжке (Там же, с. 79; см.: Каплун, 2021).

С тех пор мало кто из значительных российских мыслителей и писателей XIX – начала XX в. обошел вниманием фигуру и учение

³ При жизни Карамзина «Письма...» выдержали семь изданий.

⁴ И не только русскому читателю: еще при жизни Канта травелог был переведен на немецкий (авторизованный перевод вышел в двух изданиях в 1799 и 1802–1803 гг.) и английский (1803) языки. Правда, самому Канту он остался, скорее всего, неизвестен.

mended to the Russian reader⁴ “the celebrated Kant” as an “acute and profound” thinker and gave a brief summary of his main ethical ideas (Karamsin, 1803, pp. 37-40; see: Krouglov, 2024, pp. 144-152; Dmitrieva, 2022, p. 255, 260n6). We can get an idea of how impressed Karamzin was by Kant from the letter dated 17 April 1804 which he sent from Moscow to Wilhelm von Wolzogen upon receiving the news of Kant’s death (12 February 1804) and Johann Gottfried Herder (18 December 1803): “I sincerely regret the death of the two great men Germany has just lost. Philosophers will always admire the profundity of the ideas of Kant and literature lovers will forever enjoy reading the works of Herder. I am happy to have seen both of them and will cherish their image in the depths of my soul”⁵ (Hase, 1849, p. 422).

Karamzin’s claim to being the first to introduce Kant to the Russian public may be challenged only by Alexandr Radishchev (1749–1802), who rendered Kant’s ideas in his *Journey from St. Petersburg to Moscow* (1790), without, however, mentioning Kant: he confessed (Radishchev, 2020, p. 52) that he had “filched” Kant’s idea of the public use of reason and “immaturity of reason” (Radishchev’s translation), putting Kant’s enlightenment project in the mouth of a gentleman who was planning to go to Petersburg with a petition for censorship-free printing of books in the town of Torzhok (*ibid.*, p. 157; see Kaploun, 2021).

Since then, few significant Russian thinkers of the nineteenth and early twentieth centu-

⁴ And not only to the Russian reader: still in Kant’s lifetime the travelogue was translated into German (the authorised translation was published in 1799 and again in 1802–1803) and English (Karamzin, 1803). True, it is unlikely that Kant knew about the book.

⁵ “J’ai bien sincèrement regretté la mort des grands hommes que l’Allemagne vient de perdre. Les philosophes admirèrent toujours la profondeur des idées de Kant, et les amis des lettres liront toujours avec plaisir les ouvrages de Herder. Je me félicite de les avoir vus tous les deux, et je conserverai leur image au fond de mon âme.”

Канта (см.: Круглов, 2024; 2012). Своего рода кульминацией интереса к Канту в дореволюционной России стало 100-летие со дня его смерти в 1904 г. Этому событию и написанному в связи с ним очерку русского философа Алексея Ивановича Введенского (1861–1913), до сих пор остающегося в тени своего известного однофамильца, русского неокантианца Александра Ивановича Введенского (1856–1925), посвящена статья Давида Рожина.

С началом Первой мировой войны и последовавшей за ней революцией русская кантиана не закончилась. Хотя поначалу кажется, что в Советской России на первый план вышли совсем другие философские имена и концепции, советская кантиана остается во многом до сих пор не написанной главой в истории русской философии. Предваряя будущие исследования, можно утверждать, что 200-летний юбилей Канта отмечался в СССР значительно скромнее, чем в Германии. Из двух официально существовавших в 1924 г. журналов философского профиля на это событие откликнулся только один — «Под знаменем марксизма. Ежемесячный философский и общественно-экономический журнал». В его апрельско-майском номере были помещены четыре статьи, посвященные Канту. Их тональность задавал очерк немецкого марксиста Августа Тальгеймера (1884–1948), в 1924–1928 гг. жившего и работавшего в Москве. Автор предложил обзор мероприятий и речей, состоявшихся и прозвучавших в день рождения Канта в Германии, и призвал вернуться к «истинному Канту»:

Германская буржуазия, особенно в лице академической интеллигенции, отпраздновала этот день, хотя и без особенной торжественности. Вполне понятно, что при этом на первый план выдвинулся не столько исторический, т.е. истинный, Кант, сколько Кант в понимании и обработке германской буржуазии современной эпохи... Говоря языком Канта, наша буржуазия праздновала не «Канта в себе», а «Канта для нас», Канта для современной германской буржуазии. <...>

ries have ignored the figure of Kant and his philosophy (see Krouglov, 2024; 2012). Interest in Kant in pre-revolutionary Russia peaked in 1904, which saw the centenary of Kant's death. David Rozhin's article is devoted to that event, and the article written on that occasion by the Russian philosopher Alexey Vvedensky (1861–1913), who remains to this day in the shadow of his famous namesake, the Russian Neo-Kantian Alexandr Vvedensky (1856–1925).

The Russian Kantiana did not end with the First World War and the Russian revolution that followed. Although at first glance it may seem that in Soviet Russia very different philosophical names and concepts came to the fore, the Soviet Kantiana is in many ways an unwritten chapter in the history of the Russian philosophy. Anticipating future research, we can claim that the Kant bicentenary was marked on a far more modest scale in the USSR than in Germany. Of the two official philosophical journals that existed in 1924, only one referred to the event. It was the philosophical and socio-economic monthly, *Under the Banner of Marxism*. Its April-May issue carried four articles devoted to Kant. The tone was set by an essay from the German Marxist August Thalheimer (1884–1948), who lived and worked in Moscow between 1924–1928. The author reviewed the events and speeches that marked Kant's birthday anniversary in Germany, and made a plea for a return to the "authentic" Kant:

The German bourgeoisie, notably the academic intelligentsia, marked that date, though without much pomp. Predictably, in the foreground was not so much the historical, i.e. authentic Kant, as Kant as understood and processed by the German bourgeoisie of the present epoch. [...] To use Kant's language, our bourgeoisie celebrated not "Kant in himself" but "Kant for us", Kant for the modern German bourgeoisie. [...]

Ныне дело дошло до того, что приходится «спасать» настоящего Канта от легенды и подделки буржуазных идеологов (Тальгеймер, 1924, с. 20–21)⁵.

Под «подделкой» Тальгеймер понимал интерпретации философии Канта неокантианцами и феноменологами, а также идеологами различных политических течений.

Остальные статьи принадлежали Николаю Афанасьевичу Кареvu (1901–1936) – активному участнику Октябрьской революции 1917 г., в 1924 г. выпускнику Института красной профессуры по специальности «Философия», позднее расстрелянному в канун Большого террора, Виктору Константиновичу Серёжникову (1873–1944) – выпускнику юридического факультета Санкт-Петербургского университета, меньшевику, в 1924 г. декану факультета общественных наук МГУ, в 1938 г. репрессированному и погибшему в заключении, и Полине Селимовне Виноградской (1896–1979) – участнице Гражданской войны, студентке Института красной профессуры, в 1937 г. репрессированной, но в 1940 г. добившейся освобождения (подробнее об их судьбах см.: Корсаков, 2012, с. 137, 146, 148). Отдельные статьи появились также в журналах «Красная новь» (перевод на русский статьи Л. Рудаши) и «Советское право» (за авторством В. К. Серёжникова).

В русской эмиграции кантовский юбилей прошел еще более незаметно. На данный момент установлено, что на него откликнулись два русских неокантианца – Иван Иванович Лапшин (1870–1952) и Сергей Иосифович Гессен (1887–1950) статьями в русскоязычной прессе. Лапшин опубликовал свой очерк в пражской газете «Огни» (см.: Лапшин, 2015), а

⁵ Та же статья вышла в сентябре 1924 г. в Вене на языке оригинала: (Thalheimer, 1924).

Things have come to such a pass that the real Kant has to be rescued from legend and forgery of bourgeois ideologues [...] (Thalheimer, 1924a, pp. 20-21).⁶

By “forgery” Thalheimer meant the interpretation of Kant’s philosophy by Neo-Kantians and phenomenologists, as well as by ideologists of various political currents.

The other three articles were written by Nikolay A. Karev (1901–1936), an active participant in the October Revolution of 1917, who graduated in 1924 from the Institute of Red Professorship majoring in Philosophy, and was executed on the eve of the Big Terror; Viktor K. Seryozhnikov (1873–1944), a graduate of Law at St. Petersburg University, a Menshevik, and Dean of the Moscow University Department of Social Sciences in 1924, who was arrested in 1938 and perished in a prison camp; and Polina S. Vinogradskaya (1896–1979), an active participant in the Civil War and student at the Institute of Red Professorship, who was arrested in 1937 and managed to be released in 1940 (for more on their fates, see Korsakov, 2012, pp. 137, 146, 148). Isolated articles were also published in the journals “*Krasnaya nov*” [“The Red New”] (the Russian translation of László Rudas’s article) and “*Sovetskoye pravo*” (an article authored by Seryozhnikov).

In the Russian emigré community, the Kant jubilee got even less attention. At this writing only two Russian Neo-Kantians are known to have acknowledged it with articles in the Russian-language press: Ivan Lapshin (1870–1952)

⁶ Cf. “*Die deutsche Bourgeoisie in Gestalt besonders der akademischen Intelligenz beging diesen Tag zwar nicht mit besonderem Prunk, aber immerhin, sie beging ihn. Es versteht sich, daß bei dieser Gelegenheit nicht so sehr der historische, also der wirkliche Kant in den Vordergrund trat, sondern der Kant, wie ihn heute die deutsche Bourgeoisie auffaßt und zurechtmacht [...]. Um die Sprache Kants zu sprechen: was ‘unserer’ Bourgeoisie am Herzen lag, war nicht ‘Kant an sich’, sondern ‘Kant für uns’, der Kant für die heutige deutsche Bourgeoisie. [...]*

Es ist heute bereits so weit, daß man den wirklichen Kant vor der Legende und Fälschung der Bourgeoisideologen ‘retten’ muß [...]” (Thalheimer, 1924b., pp. 458-459).

Гессен одну статью посвятил педагогике Канта и опубликовал в своем журнале «Русская школа за рубежом» (см.: Гессен, 2001), а другую, портретирующую всю кантовскую философию, — в берлинской газете «Рул» (Sergius, 1924). Эта статья готовится Модестом Колеровым к публикации в следующем номере «Кантовского сборника».

На этом русская кантиана послереволюционного периода не исчерпывает себя, но меняет свой характер, постепенно превращаясь в специализированную область философского знания — российское кантоведение, история которого ждет своих исследователей. С самого начала своей институализации — ее условной вехой можно считать первые собрания сочинений Канта на русском языке⁶ — российские исследования Канта были и остаются частью международного кантоведения.

Список литературы

Гессен С. И. Педагогика Канта // Гессен С. И. Педагогические сочинения. Саранск : Красный Октябрь, 2001. С. 341–353.

Кант И. Заметки в книге «Наблюдения над чувством прекрасного и возвышенного» // Собр. соч. : в 8 т. М. : Чоро, 1994. Т. 2. С. 353–392.

Кант И. Критика чистого разума (В) // Соч. на нем. и рус. яз. М. : Наука, 2006. Т. 2, ч. 1.

Кант И. Сочинения. 1747–1777 гг. : в 2 т. / Институт философии Академии наук СССР ; пер. Б. А. Фохта, под общ. ред. Б. Ю. Сливкера. М. : Государственное социально-экономическое издательство, 1940. Т. 2 : 1759–1777 гг.

⁶ Первые шаги в этой работе относятся к 1936 г., которым датированы самые ранние переводы Бориса Александровича Фохта (1875–1946) в фонде Института философии в Архиве РАН для двухтомного собрания докритических сочинений Канта. До начала Великой Отечественной войны успел выйти только второй том этого собрания (Кант, 1940).

and Sergey Hessen (1887–1950). Lapshin published an essay in the Prague newspaper “Ogni” [“Lights”] (see Lapshin, 2015), and Hessen, one article on Kant’s pedagogy in his journal “Russkaya shkola za rubezhom” [“Russian School Abroad”] (see Hessen, 2001), and another in the Berlin newspaper “Rul” [“Steering Wheel”] (Sergius, 1924). That article, with a foreword by Modest Kolerov, is being prepared for publication in the next issue of the “Kantian Journal”.

The Russian Kantiana of the post-revolutionary period does not end there, but its character changes as it evolves gradually into a specialised area of philosophical knowledge — Russian Kant scholarship — which awaits new research. From the very beginning of its institutionalisation — its tentative milestone can be considered the first collections of Kant’s works in Russian⁷ — Russian Kant studies have been part of international Kant scholarship.

References

Dmitrieva, N., 2022. Kants Bedeutung für die intellektuelle Kultur Russlands. In: V. Gerhardt, M. Weber and M. Schepelmann, eds. 2022. *Immanuel Kant 1724–2024. Ein europäischer Denker*. Oldenburg: De Gruyter, pp. 253–262.

Hase, K. von, ed. 1849. *Literarischer Nachlass der Frau Caroline von Wolzogen. Volume 2*. Leipzig: Breitkopf & Härtel.

Hessen, S. I., 2001. Kant’s Pedagogics. In: S. I. Hessen, 2001. *Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical Works]*. Saransk: Krasnyi Oktyabr, pp. 341–353. (In Rus.)

Imhof, S. and Noller, J., eds. 2021. *Kants Freiheitsbegriff (1786–1800): Dokumentation einer Debatte*. Hamburg: Felix Meiner.

Kant, I., 1940. *Sochineniya. 1747–1777. In Two Volumes*. Translated by B. A. Fokht, ed. by B. Yu. Slivker, Institute of Philosophy at the Academy of Sciences of the USSR. Volume 2: 1759–1777. Moscow: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo. (In Rus.)

⁷ The beginnings of this work date back to 1936, the date of the translations made by Boris Fokht (1875–1946), indicated by the Institute of Philosophy collection of the RAS Archive for a two-volume collection of Kant’s pre-critical works. Only the second volume of that collection was published before the outbreak of the Great Patriotic War in 1941 (see Kant, 1940).

Каплун В.Л. У истоков российского политического модерна: «подтибрил» ли Радищев свой проект Просвещения у Канта? (И если да, то почему не сослался?) // Логос. 2021. Т. 31, № 5. С. 27–57.

Карамзин Н.М. Письма русского путешественника / изд. подгот. Ю.М. Лотман, Н.А. Марченко, Б.А. Успенский. Л.: Наука, 1984.

Корсаков С.Н. Политические репрессии в Институте философии (1930–1940 гг.) // Философский журнал. 2012. № 1 (8). С. 120–170.

Круглов А.Н. Кант и кантовская философия в русской художественной литературе. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012.

Круглов А.Н. Философия Канта в России. Калининград: Изд-во БФУ им. И. Канта, 2024.

Лапшин И.И. Кант и современная философия (по поводу 200-летия дня рождения Э. Канта) / подгот. текста, вступ. ст. и примеч. А.М. Шитова // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 3. С. 268–278.

Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А.Н. Путешествие из Петербурга в Москву. Вольность / сост., коммент. А.В. Западова. СПб.: Наука, 1992. С. 5–123.

Тальгеймер А. 200-летие со дня рождения Канта в Германии / пер. с нем. Я. Виткина // Под знаменем марксизма. 1924. № 4–5. С. 20–36.

Dmitrieva N. Kants Bedeutung für die intellektuelle Kultur Russlands // Immanuel Kant 1724–2024. Ein europäischer Denker / hrsg. von V. Gerhardt, M. Weber, M. Schepelmann. Oldenburg: De Gruyter, 2022. S. 253–262.

Kants Freiheitsbegriff (1786–1800): Dokumentation einer Debatte / hrsg. von S. Imhof, J. Noller. Hamburg: Felix Meiner, 2021.

Kant's Early Critics on Freedom of the Will / transl. and ed. by J. Noller, J. Walsh. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press, 2022.

Literarischer Nachlass der Frau Caroline von Wolzogen / hrsg. von K. von Hase. Leipzig: Breitkopf & Härtel, 1849. Bd. 2.

Sergius [Гессен С.И.]. Эммануил Кант (К двухсотлетию со дня рождения – 24 апр. 1724 г.) // Руль [Берлин]. 1924. № 1029 (24 апр.). С. 4–5.

Thalheimer A. Kants 200-jähriger Geburtstag in Deutschland // Arbeiter-Literatur. 1924. Jg. 1, № 9. S. 458–477.

Kant, I., 1998. *Critique of Pure Reason*. Edited and translated by P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press.

Kant, I., 2011. Remarks in the *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime*. In: I. Kant, 2011. *Observations on the Feeling of the Beautiful and Sublime and Other Writings*. Edited by P. Frierson and P. Guyer. Cambridge: Cambridge University Press, pp. 65–204.

Kaploun, V., 2021. The Origins of Russian Political Modernity: Did Radishchev “Crib” His Enlightenment Project from Kant? (And If So, Why Didn’t He Cite the Source?). *Logos*, 31(5), pp. 27–57.

Karamsin, N., 1803. *Travels from Moscow, through Prussia, Germany, Switzerland, France, and England*. Volume 1. Translated from the German [by A.A. Feldborg]. London: Printed for J. Badcock... by G. Sidney...

Korsakov, S.N., 2012. Political Persecution in the Institute of Philosophy in 1930s and 1940s. *Philosophy Journal*, 1(8), 120–170. (In Rus.)

Krouglov, A.N., 2012. *Kant i kantovskaya filosofiya v russkoi khudozhestvennoi literature* [Kant and Kant's Philosophy in Russian Fiction Literature]. Moscow: “Kanon+” ROII “Reabilitatsiya”. (In Rus.)

Krouglov, A.N., 2024. *Filosofiya Kanta v Rossii* [Kant's Philosophy in Russia]. Kaliningrad: IKBFU Press, 2024. (In Rus.)

Lapshin, I.I., 2015. Kant and Modern Philosophy. (The 200th Anniversary of the Birth of Immanuel Kant). Preparation of Remarks and the Accompanying Article by A. V. Shitov. *Review of the Russian Christian Academy for the Humanities*, 16(3), pp. 268–278. (In Rus.)

Noller, J. and Walsh, J., eds. 2022. *Kant's Early Critics on Freedom of the Will*. Cambridge, UK; N.Y.: Cambridge University Press.

Radishchev, A., 2020. *Journey from St. Petersburg to Moscow*. Translated by A. Kahn and I. Reyfman. New York: Columbia University Press.

Sergius [Hessen, S.I.], 1924. Immanuel Kant (On the Bicentenary of the Birth – 24 [sic!] April 1724). *Rul' [Steering Wheel]* (Berlin), 24 Apr., 1029, pp. 4–5. (In Rus.)

Thalheimer, A., 1924. 200th Anniversary of Kant's Birth in Germany. Translated from German by Ya. Vitkind. *Pod znamenem marksizma [Under the Banner of Marxism]*, 4–5, pp. 20–36. (In Rus.)

Thalheimer, A., 1924b. Kants 200-jähriger Geburtstag in Deutschland. *Arbeiter-Literatur* (Wien), 1(9), pp. 458–477.

Translated from the Russian by Evgeni N. Filippov

Об авторе

Нина Анатольевна *Дмитриева*, доктор философских наук, лаборатория «Кантианская рациональность», Академия Кантиана, Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград, Россия; Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия.

E-mail: ndmitrieva@kantiana.ru; na.dmitrieva@mpgu.su

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

Для цитирования:

Дмитриева Н. А. «Философы всегда будут восхищаться Кантом...» // Кантовский сборник. 2024. Т. 43, № 1. С. 7–16.

doi: [10.5922/0207-6918-2024-1-1](https://doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-1)

© Дмитриева Н. А., 2024.

The author

Prof. Dr Nina A. Dmitrieva, Kantian Rationality Lab & Academia Kantiana, Immanuel Kant Baltic Federal University (IKBFU), Kaliningrad, Russia; Moscow Pedagogical State University (MPGU), Moscow, Russia.

E-mail: ndmitrieva@kantiana.ru; na.dmitrieva@mpgu.su

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1092-0321>

To cite this article:

Dmitrieva, N. A., 2024. "Philosophers Will Always Admire Kant..." *Kantian Journal*, 43(1), pp. 7-16.

<http://dx.doi.org/10.5922/0207-6918-2024-1-1>

© Dmitrieva N. A., 2024.

ПРЕДСТАВЛЕНО ДЛЯ ВОЗМОЖНОЙ ПУБЛИКАЦИИ В ОТКРЫТОМ ДОСТУПЕ В СООТВЕТСТВИИ С УСЛОВИЯМИ ЛИЦЕНЗИИ CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))

SUBMITTED FOR POSSIBLE OPEN ACCESS PUBLICATION UNDER THE TERMS AND CONDITIONS OF THE CREATIVE COMMONS ATTRIBUTION (CC BY) LICENSE ([HTTP://CREATIVECOMMONS.ORG/LICENSES/BY/4.0/](http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/))